

УДК 82.091

**ЮРИДИКО-ЭТИЧЕСКИЕ «АРХАИЗМЫ»
СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МОРАЛИ:
ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

А. В. Арапов,

Воронежский государственный университет

С. Н. Хорунжий

*Воронежская областная Дума,
Воронежский государственный университет*

Поступила в редакцию 12 января 2015 г.

Аннотация: абсолютизация права в качестве основного и единственного регулятора общественной жизни приводит в конечном счете к постепенному замещению норм морали и нравственности регулятивными и охранительными нормами законодательного акта. При отрицании глубинных корней происхождения норм морали и нравственности мы отвергаем также источники норм современного законодательства. В случае выбора такого пути развития общества мы исключаем из системы своих ценностей не только «архаичную» мораль, но и справедливость, которые изначально лежали в истоках современного права и культуры европейской цивилизации, т.е. своим настоящим отрицаем прошлое и тем самым ставим под большой вопрос наше общее будущее. Мораль, и нравственность так или иначе приводят нас к религиозным (или квази-религиозным – государственно-идеологическим) ценностям, имеющим в своей основе иррациональное, священное происхождение.

Ключевые слова: мораль, справедливость, этика, социальная жизнь.

Abstract: the absolute priority given to the right as the main and only regulator of social life eventually leads to gradual replacement of standards of morality and ethics with regulatory and protective statutory provisions. By negating the roots of standards of morality and ethics we reject the sources of modern legislative provisions. Choosing this path to the society development we exclude from our value system both «archaic» morality and justice which were the roots of modern European law and culture. With our present we deny our past and as the result our common future appears rather doubtful. Morality and ethics one way or another lead us to religious (or quasi-religious, for example, governmental-ideological) values of irrational and sacred origin.

Key words: morality, justice, ethics, social life.

Современная общественная и юридическая жизнь свидетельствует о происходящих существенных изменениях не только отдельных ценностных ориентаций, но и о формировании сравнительно новых юридико-этических элементов правовой среды¹ в целом [1; 2].

¹ Под правовой средой здесь понимается совокупность общественных отношений, юридических связей, правовых доктрин и идей, правоприменительной практики, создающих предпосылки для правового поведения субъектов в соот-

Причиной стала абсолютизация права в качестве основного и единственного регулятора общественной жизни. Подобная форма юридического позитивизма приводит в конечном счете к постепенному замещению норм морали и нравственности регулятивными и охранительными нормами законодательного акта. Заметим, что указанный процесс с точки зрения исторического развития общества и государства является вполне закономерным: нормы действующего закона объективно возникли на основе государственного инкорпорирования этических и религиозных правил, табуирования асоциальных форм поведения.

Вместе с тем происходящие в настоящее время изменения правовой среды граничат порой с самыми радикальными проявлениями государственного этатизма при внешнем либеральном благолепии демократическим основам. Речь идет о максимально широкой субституции (юридическом замещении) требований правил морали исполнением норм закона. Мораль и нравственность объявляются неполиткорректными, нетолерантными – архаичными². К большому сожалению, в эту категорию попадает множество фундаментальных ценностей, уходящих своими корнями в истоки формирования нашей цивилизации, ее культурный код. Именно по этой причине Президентом РФ указано на необходимость защиты традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира. Конечно, это консервативная позиция, но, следуя словам Николая Бердяева, смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию [3].

Действительно, эволюция человеческого общества, изменение культурно-технологических основ ставят сегодня множество вопросов. Если в средние века (и ранее) поведение человека, а значит, и детерминирующая его мотивация, определялись решением вопросов сущностного, бытийного характера, то в наше время функциональный аспект практически полностью вымыл субстанциональный: самобытная личность заменена обезличенной персоной (маской). Указанная замена проявляется не только в организации общества и профессионально-производственных отношений – она меняет мир и его культуру в целом. Вместо

ветствующей социальной системе, функционирующей в пределах государственной территории в конкретный исторический период ее развития.

² В качестве постыдных иллюстраций, к которым, по нашему мнению, недопустимо использовать слово «пример» в его прямом смысле (и явившихся причиной описания в подстрочном регистре), приведем лишь некоторые: запрет на употребление слов «папа» и «мама» применительно к родителям (Великобритания); замена рождественских дней словосочетанием «winterholidays» («зимние праздники») с пожеланием «HappyHolidays» («счастливых праздничных дней») вместо «MerryChristmas» («веселого Рождества») и т.д.

яркого разнообразия и индивидуальности социума мы приобретаем аморфное состояние и «социально-нейтральные» категории: «политкорректное», «денациональное», «гендерно-неопределенное», «неполносемейное», «провокативное» [4].

Однако проблема этим не исчерпывается, напротив, она порождает множество других негативных последствий: речь идет о феноменологической редукции категории «справедливость». Отметим, что в настоящее время справедливость активно используется в самых разных отраслях науки, бытия социума, жизнедеятельности государства и общества в целом. Вместе с тем мы наблюдаем изменение акцентуации в определении ее аксиологических корней. Если в прежние времена справедливость всегда оставалась элементом морально-нравственной парадигмы восприятия мира, то сейчас – компонентом законодательной техники и процедур легитимации. Самое печальное, что при этом происходит выхолащивание потаенных корней справедливости, скрытых зачастую в сакрализованных нормах этических установок. Мораль и нравственность так или иначе приводят нас к религиозным (или псевдорелигиозным – государственно-идеологическим) ценностям, имеющим в своей основе иррациональное, священное происхождение. Запрет на логическое «обмысление» божественных основ существовавших правил поведения позволял ограничить проникновение профанного сознания в эту сферу и осквернения незыблемости устоев человеческого общества и государства.

В наше время – эпоху светских норм и предписаний – проблема источника легитимности переместилась из сферы священного и посвященного в сторону непросвещенного. Юридический позитивизм не нуждается в признании святости законодательных норм, и мы, бесспорно, с этим согласны. Однако категорически против исключения из сферы нормативности требований правил морали и нравственности только в силу того, что они не поддаются рационализации и потому являются архаизмами.

Мораль, нравственность, справедливость в определенной части всегда имели религиозную составляющую. Поэтому, когда право проистекает из морали, оно тоже несет в себе элемент сакральности, недоосознанности и скрытности. Более того, даже в атеистической среде массовая мораль не лишается указанных качеств. Как справедливо отмечает председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, общественная мораль обычно воспроизводится без религиозных адресаций и назиданий, но передается через культуру, которая, в свою очередь, обеспечивает преемственность массовой социальной морали, освященной религией, культурой и традицией [5].

Религиозное табуирование отчасти позволяло исключить (предотвратить) самые низменные проявления человеческих качеств, которые вели к разрушению (прежде всего, физическому) древних социально-архаических обществ, постепенно вводя более тонкие (моральные) регуляторы поведения. Именно из выбора между добром и злом «произрастают государственные институты, то есть опосредованная, как бы окаменевшая государственная мораль» [6].

В императорской России и внутренняя и внешняя политика опирались на традиционное нравственное сознание народа. Преподобный Сергей Радонежский основал недалеко от Москвы монастырь с главным храмом во имя Троицы, твердо веруя, что «взиранием на Святую Троицу побеждался страх перед ненавистной рознью мира сего».

Не всегда оказывается возможным избежать войны. Но важно, что является причиной того, что народ, его государство и армия вступают в войну. Исходят ли они сами из этого чувства «ненавистной розни» или вынуждены братья за оружие в ответ на рознь и ненависть, пришедшие извне. Мы можем вспомнить также, что, согласно Аристотелю, конечной целью войны служит мир. И здесь важно, к какому миру стремятся воюющие: к миру, основанному на грубой силе и подавлении, или к миру, основанному на сотрудничестве и учете интересов друг друга.

Агрессивный, захватнический дух был чужд русскому народу. Наиболее выдающиеся победы Русская армия одерживала в войнах, направленных на защиту Отечества, защиту братских народов или своих союзников. Хотя Швейцарский и Итальянский походы Суворова носили сами по себе наступательный характер, но в политическом плане они были частью борьбы традиционных европейских монархий против экспансии революционной Франции. Знаменитые победы на Куликовом поле, под Полтавой, под Бородино начинались с того, что русские войска проявляли исключительную стойкость именно в обороне. Наиболее удачные стратегические наступления Русской армии суть контрнаступления.

Русскому человеку были чужды классические колониальные войны с лежащим в их основе стремлением к беззастенчивой эксплуатации покоренных стран и народов. На завоеванной территории русский человек стремился к сотрудничеству с местным населением, а не к тому, чтобы отнимать у него последнее. Один из историков туркестанских походов генерал-майор Л. Ф. Костенко писал: «Не честолюбивые замыслы и никакие другие своекорыстные расчеты руководят Россией в ее поступательном движении в Среднюю Азию, но исключительно только желание умиротворить тот край, дать толчок ее производительным силам и открыть кратчайший путь для сбыта произведений Туркестана в европейскую часть России» [7]. Конечно, не следует думать, что в этой цитате раскрываются все стратегические и политические соображения, двигавшие в данной ситуации Российским правительством. Но показательным само желание представить именно такие мотивы войны российской общественности. Значит, «своекорыстные расчеты» заведомо не могли встретить у русских людей сочувствия.

Разумеется, одержав победу, Россия пользовалась правами победителя. Но русский человек никогда не включал в число этих прав возможность произвола, беззакония и жестокости по отношению к побежденным. В Российской империи была немыслима ситуация, подобная, например, той, что сложилась в Конго после превращения этой территории в личное владение короля Бельгии Леопольда I. Система жесточайшей эксплуатации привела к сокращению численности населения Конго с 30 млн в

1884 г. до 15 млн в 1915 г. За невыполнение поставок слоновой кости, каучука, продовольствия, за отказ выполнять трудовую повинность власти истребляли местных жителей, сжигали селения, опустошали целые районы. Причем карательным отрядам выплачивались гонорары на основе предъявления отрезанных рук (!). Доходы от эксплуатации Конго король направлял, в частности, на содержание своей любовницы Бланш Делакура, прозванной журналистами «королевой Конго».

Военный историк Д. Я. Фёдоров писал: «Русское владычество приобрело в Средней Азии огромное обаяние, потому что оно ознаменовало себя гуманным миролюбивым отношением к туземцам и, вызвав сочувствие народных масс, явилось для них желательным владычеством» [7]. Народы, населявшие Российскую империю, имели право исповедовать свою веру, проводить богослужения и осуществлять религиозное образование. Это право было закреплено в Основных законах Российской империи: «Свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам; да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Творца вселенной об умножении благоденствия и укреплении силы Империи» (гл. 7, ст. 67). Знаменательным является тот факт, что в столице России в связи с 300-летием династии Романовых были возведены мечеть и буддийский храм. Это был первый буддийский храм в Европе.

Когда Российская империя расширила свои границы до Памира, то не о дальнейших захватах мечтали русские, а о мире и братстве с соседями. Член военной экспедиции русский философ Н. Ф. Фёдоров писал: «Но не надо забывать, что рубежи Индии, возвышенность Памира с ее окрестностями, есть место одинаково священное как для нас, так и для англичан ... От того будем ли мы и англичане понимать значение этого священного места, на котором предстоит наша встреча, проникнет ли в нас чувство ужаса при одной мысли, как бы не осквернить ту почву, на которой столько тысячелетий покоится прах наших предков, через которых мы и англичане – братья, от этого зависит, будет ли на этих священных местах заключен мир и союз, или же прах предков обогрится кровью потомков ...» [8].

В наши дни, когда международные отношения подчас утрачивают всякое сакральное измерение и сводятся к кулачному праву и дележу материальных ресурсов, все так же насущной остается завещанная России преподобным Сергием Радонежским надежда на победу над «ненавистой враждой мира сего».

При отрицании глубинных корней происхождения норм морали и нравственности мы отвергаем также источники норм современного законодательства, выделяя из них исключительно функцию правоисполнения и правоследования. Такие нормы лишены своего смыслового содержания. Следовательно, можно ввести и разрешить любое поведение! Главное при этом – обеспечить соблюдение технико-юридических пра-

вил?! В случае выбора такого пути развития общества мы исключаем из системы своих ценностей не только «архаичную» мораль, но и справедливость, которые изначально лежали в истоках современного права и культуры европейской цивилизации, т.е. своим настоящим отрицаем прошлое и тем самым ставим под большой вопрос наше общее будущее.

Литература

1. Чердаков О. И., Жильцов Н. А. Концепция инновационного развития правовой среды / О. И. Чердаков, Н. А. Жильцов. – М., 2013. – 17 с.
2. Хорунжий С. Н. Доктринальные аспекты правовой среды / С. Н. Хорунжий. – Воронеж, 2014.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Киселева М. С. Концепт выбора в христианской и постхристианской культурах / М. С. Киселева // Вопросы философии. – 2013. – № 12. – С. 48–53.
5. Зорькин В. Д. В хаосе нет морали / В. Д. Зорькин // Рос. газета. – 2011. – 11 дек.
6. Арон Л. Самоограничение власти. О моральном и личностном выборе при построении новой российской государственности / Л. Арон // Независимая газета. – 2012. – 28 нояб.
7. Сутеева К. А. Русские военные историки XIX в. о причинах и мотивах движения России на Восток (в Среднюю Азию и Южный Казахстан) / К. А. Сутеева. – Режим доступа: <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=23253>
8. Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства / Н. Ф. Федоров. – Режим доступа: <http://vzms.org/delo.html>

Воронежский государственный университет

Арапов А. В., доктор философских наук, доцент

E-mail: arpv@mail.ru

Тел.: 8 (960) 118-65-03

Воронежский государственный университет, Воронежская областная Дума

Хорунжий С. Н., кандидат юридических наук

E-mail: snhor@mail.ru

Voronezh State University

Arapov A. V., Doctor of Science, Associate Professor

E-mail: arpv@mail.ru

Tel.: 8 (960) 118-65-03

Voronezh State University, Voronezh Regional Assembly

Khorunzhy S. N., Candidate of Legal Sciences

E-mail: snhor@mail.ru